

An abstract painting featuring a central yellow face with a wide, open mouth, rendered in thick, expressive brushstrokes. The face is set against a dark, starry background. To the left, a white, angular shape contains the numbers 7, 8, and 9. Below the face, the numbers 6, 5, and 4 are written in large, yellow, blocky characters. The background is composed of various colored blocks and textures, including orange, blue, and green. A semi-transparent blue horizontal band is positioned across the top of the image.

Открываю глаза

16+

Чечитов А.А

Александр Александрович Чечитов

Открываю глаза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67484004

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир остановился! Всякое движение, легкое дуновение ветра и плеск волн окаменели. Только я, остался жив среди этого безмолвия, и мне страшно, что это поглотит мою душу без остатка.

Александр Чечитов

Открываю глаза

Почему это произошло со мной? – эта мысль терзает меня. Она звериной хваткой вцепилась в мой измученный мозг, иссушая душу.

У пожелтевшей от времени кровати, промятой от бесчисленных страдальцев, опершись тощим бедром на край, стоит бледный, сухой старик.

Он кажется, мне кого-то напоминает, чертов идиот. Пялится на меня, ерзая зачем-то в левом кармане больничного халата.

Его физиономия, возможно при других обстоятельствах, могла бы выглядеть менее отвратительно.

Не знаю, но почему-то я выбрал его объектом своей ненависти. И все же мне хотелось, чтобы этот перекошенный старикашка, отпустил худую, посеревшую тряпку, прежде носившую гордое название моя рука.

Белобородый доктор, вряд ли желал проявлять хоть какой-то интерес к моей ватной конечности, но рядом стояла женщина.

Думаю это она, вынудила старого врача, обратить внимание на меня и на мою умерщвленную конечность.

Интересно о чём они говорят? Хотя, откровенно говоря, сейчас мне должно быть совершенно, наплевать. Единственное, что по-настоящему занимает моё внимание, так это состоящая из пузырей и разверзнутой плоти широкая, жирная восьмерка на моей ладони.

Старик несколько раз, интенсивно потряхивал моей кистью, видимо что-то объясняя женщине.

Ставлю двести баксов! Если бы я мог чувствовать в эту секунду, я бы стал вращаться от боли, намного быстрее отлетевшего на полной скорости автомобильного колеса.

Распахнутая, вязанная жилетка быстро поднимается вместе с грудью женщины. Её широкое, скуластое лицо то и дело, поворачивается в мою сторону.

Она невероятно плохая актриса, и ей не удаются попытки скрыть влажные, опухшие глаза от меня. Но, что здесь может разжигать чувства этой дамы в годах?

Уверен ещё каких-то двадцать лет назад, когда она ещё не успела одеть на себя объемные, тяжелые бока, за ней бегало немало воздыхателей.

Тем временем пожилой доктор, вздернув плешивую макушку, скрылся за облупленной дверью палаты.

То, что я нахожусь в пропитанной ленью и безразличием больнице, конечно, является для меня не приложенной действительностью. Но остальное разрисовано в мутные тона.

Женщина взгромоздилась на хлипкий, тонконогий стул у моей головы. Её теплые пальцы нежно повернули мою одеревеневшую башку к ней.

Хотелось бы мне назвать вместилище хрустящей, звенящей боли иначе, но почему-то не могу. Это абсолютно дикое сочетание. Попытки вспомнить и осмыслить трутся о колючие ощущения безысходности.

Взгляд женщины остановился. Губы шустро двигаются вверх и вниз, но слова отпружинив от её языка, растворяются в губельно тупой тишине. Безмолвие, вот что по-настоящему властно надо мной.

Память крайне медленно возвращается ко мне, и отрывки воспоминаний превращаются в понятную картину.

Хриплый голос в динамике объявил конечную остановку поезда, и я с удовольствием поднялся с теплого места.

Несомненно, мне не терпелось, увидеть создание невероятной, обжигающей красоты. Слабость эта рождается где-то в самой тонкой, незащищенной части сердца. Она способна одновременно свести с ума и в то же время дарит вселенское

наслаждение.

Как её имя? Память, уродливое, неповоротливое чудовище, то и дело отворачивается в самый неподходящий момент.

Ах, девушка цветов.

Наверное, макушка её головы едва поднималась над моим плечом, а ладошка занимала только половину моей.

Странное представление о любимой. Это безумно злит! Неужели после долгих лет наполненных теплом и заботой, возможно, забыть её лицо?

Что ж, сейчас именно тот момент когда, это произошло.

Я убежден, в её первородной, чистой красоте, и глубоко взаимных чувствах.

Скрывшись внутри металлических стен, двери поезда громко хлопнули. В тамбур ввалилась стена тяжелого, холодного воздуха.

Мне предстояло всего-то, преодолеть два полотна железной дороги поперёк. С первым я справился довольно быстро. У второго пути, толпа идущих пассажиров загудела. Потасовка обещала, судя по всему яркое зрелище, но сие за-

урядное событие решил прервать настойчивый гудок подходящего к платформе ревущего локомотива.

Гавкающая, бурлящая масса отпрянула в сторону, оставив на рельсах одного из поверженных в драке.

Ни малейшего желания я не испытывал рисковать в этот чудесный, зимний вечерок. И вероятно смог бы изобразить правдоподобное неведение, о происходящем.

Человек смог приподняться и булькнуть в мою сторону, жидкое, бесформенное слово, чего вполне хватило, чтобы разбудить во мне сострадание.

Немного суетливо, я оттолкнул стоявшего на пути зеваку, при этом почти распластался на обледенелой поверхности между полотен железной дороги. Поскользнулся. Мне удалось быстро вскочить на ноги.

– Вставай, – заорал я, и сильно потянул мягкое плечо незнакомца на себя. Думаю я смог бы вырвать с тем же успехом толстое, крепкое дерево в лесу.

– Вот дерьмо! – разъярился я, – не получается!

Рывок, ещё один, но мне так и не удалось совершить подвиг спасителя. Только его обмякшая голова, в одно мгнове-

ние вдруг окрепла. Игривый, пьяный баритон затянул незнакомый мотив, после чего издох, распавшись на сотню легких, небольших осколков.

В моей ладони осталась жалкая пригоршня ледяных кушочков. На месте, где лежал человек, сейчас поднимался к небу, едва уловимый взгляду пар.

– Чёрт, – воскликнул я, и попытался соединить мелкие части. Осколки беззвучно отскакивали друг от друга, тихо падая на заиндевевший гравий под ногами. Их тонкие, острые грани игриво поблескивали под лучами старого, изогнутого фонаря.

Внутренности мои сжались. От того что, произошло в то мгновение, голова моя пошла кругом. Кроваво – черные круги с трубящим гулом, пульсировали перед моим взором. Пот сочился из меня, а жар сменялся жутким ознобом.

Колени мои согнутые и замерзшие с трудом распрямились.

– Ей богу, это не по моей вине – проямлил я, встретив застывший взгляд человека, стоявшего за моей спиной. Половина его лица, оставалась в тени, и меня это почему-то разозлило.

– Вы слышите меня?! Разве не к вам обращаюсь, – заскрежетал мой голос. Моя рука неистово затрясла рукав этого мужчины. Он упал. Тело его, включая теплую, верхнюю одежду разлетелось на части.

В висках стучало. Озираясь и брюзжа, я начал понимать. Не единого звука, я не слышал, начиная с того момента как присел возле упавшего на рельсы бродяги. Каждый из тех, кто был в досягаемости моего взгляда, окаменел. Поезд молчал, а вместе с ним и весь остальной мир.

В придорожном кафе, стакан и бутылка воды рассыпались в пыль, когда я попытался смочить моё пересохшее горло. Медленно, наверное, как никогда бесстрастно я шагал к дому той самой девушки. По дороге я совершенно случайно задел ещё пару человек. Их постигла та же печальная участь, что и прежних моих жертв.

Животный страх, терзал мой и без того ослабевший раскусодок. А вместе с тем, и желание увидеть ту, от взгляда которой моё сердце замирало в счастливой эйфории.

Ноги отяжелели и я с великим трудом, заставлял их работать, поднимаясь по ступенькам лестницы в её доме.

Это невероятное безумие, сидеть перед объектом своего обожания, бессильно сжимая свои руки за спиной.

Теплый свет мягко ложился на её ровное, безмятежное личико. Рука с тонким, изящным колечком на указательном пальчике остановилась, не успев перевернуть страницу начатой книги.

Я молчал, яростно выкручивая собственные пальцы до жуткой боли.

Долгое время, я блуждал между ледяных фигур по темным улицам, крайне осторожно и бережливо. Я ждал.

День так и не пришел на смену ночи. Пытаясь уснуть, я вновь и вновь задавался одним вопросом. Как это исправить?

В магазинах и ресторанах, еда и продукты неизменно превращались в прах от моих прикосновений. И я ел эту пыль, в надежде утолить растущее чувство голода.

И мне не удалось совладать с чувствами.

Взгромоздившись на край парапета на многоэтажном доме, я затаил дыхание. Наручные часы по-прежнему стояли. Один, последний шаг, как мне казалось, отделял меня от

приятного освобождения.

Мне очень хотелось почувствовать облегчение. Утешить себя избавлением, выглядело поначалу заманчиво, но и к этому примешалась сухая апатия.

Внизу маленькие фигурки людей, и машины напоминали неудачно склеенный макет картонного города.

– Это останется без ответа, – нарушил тишину монотонный баритон позади меня.

Раскачиваясь, я медленно повернулся.

– Прыжок не решит проблему, – пробормотал он.

Воспоминания и страх смешались в отвратительное месиво. Голова разрывалась.

Он не был похож на человека.

Место, где должны располагаться нос, рот и глаза, оказалось совершенно ровным. На руках, если их можно так назвать отсутствовали пальцы, а ноги больше походили на сломанные ветви.

– Ты способен вернуть это к жизни, – сказал он более чет-

ко, очерчивая в воздухе невидимую дугу, указав на город.

Я, было, хотел ответить, но рот не слушался меня.

Теперь я вспомнил.

Наплевав на все, я утвердительно кивнул ему.

Он прижал свою кривую, уродливую культю, оканчивающуюся восьмеркой на конце к моей ладони. Договор был подписан. Горячая струя крови брызнула в моё лицо.

Тишина сменилась звуками аппаратов жизнеобеспечения в больничной палате. Женщина по-прежнему сидит у моей обветшалой кровати.

Ах, да. Она же моя мама! Солнце будет светить ей и моей любимой всегда. Они так и не узнают, откуда взялась рваная, жженая восьмерка на моей ладони.

Сейчас телефон мамы зазвонил. Она устало подняла трубку, и на том конце послышался голос моей женщины. Тепло мягко разлилось по моим венам и внутри стало так хорошо.

Каждое слово я слышал невероятно чётко. Любимая попросила забрать мои вещи и больше не тревожить её звон-

ками!

Я хотел бы кричать до хрипоты и бежать так долго, чтобы упасть от усталости замертво. Взамен этого, тот безликий дьявол, в эту секунду вновь лишил меня слуха. Он оставил меня в царстве безмолвия навсегда.